

Известия. - 2000. - № 10. - с. 9.

«Саломея» — территория любви

В Мариинском театре ставят Рихарда Штрауса

Известный английский оперный режиссер Дэвид ФРИМАН ставит «Саломею» (премьера — 3 ноября), имея опыт работы с Мариинским театром — девять лет назад его трудами в Мариинке появился «Огненный ангел» Прокофьева.

— В истории постановок «Саломея» был такой казус. Певница, которой была предложена главная роль, сказала тогда: «Я не буду это петь, я порядочная женщина!» В вашей концепции Саломея — женщина непорядочная?

— И да, и нет. Я хотел бы показать историю об отношении женщины к любви. Мир нашей «Саломеи» — это мир Бодлера. Посмотрите, жестокий и могущественный властитель — Ирод готов отдать все во имя женщины, во имя ее танца. Такой, как мне кажется, создал героиню Оскар Уайльд. Есть легенда, что Саломея, обольщая, пользовалась сверхъестественными силами. Все происходит на территории любви, где эротизм сталкивается с насилием. Это сидит во всех нас: чем больше мы чувствуем свою силу, тем труднее нам удержаться от насилия по отношению к другому.

— Вы работаете с Мариинским театром второй раз. Как изменилась Мариинка за девять лет?

— Я увидел новое поколение молодых певцов, и оно прекрасно. Та часть труппы, с которой мне приходится иметь дело, талантлива и работоспособна. Есть еще тема не такая радостная. Я вижу, что театр работает на пределе, есть составляющие театрального механизма, которые не отлажены. У меня нет никаких иллюзий: в Европе, в больших театрах те же проблемы. По форме организации творческого процесса они представляют собой поздний XIX век. В Европе это меняется, руководители — театральные менеджеры — думают о благополучии артистов. Полагаю, что и в Мариинском театре станет так же — молодежь работает много, работает с успехом, и ей нужно идти навстречу.

— Вы удовлетворены вокальными данными певцов. А какова их сценическая подготовленность?

— Вокально, действительно, наши певцы блистательны. Что касается артистизма... Видите ли,

почти нигде нынче не учат певцов быть артистами, люди заканчивают высшие музыкальные учебные заведения, мало зная о театре в целом. Молодежь учится на операх бельканто и хорошо чувствует себя, скажем, в сценической атмосфере барокко, но нередко не адаптирована к современности. Кстати, я был удивлен, когда почувствовал, что исполнители считают «Саломею», которой 95 лет, современной оперой.

— Как изменился Петербург за то время, что вы его не видели?

— В 1991 году он был гораздо беднее. Но его не уродовала назойливая и безвкусная реклама. Я предчувствовал это девять лет назад и сказал себе: «Посмотри и запомни — этот облик скоро исчезнет, потому что Петербург откроет для себя Запад, а Запад войдет в Петербург». Ведь тогда у нас только что рухнул железный занавес. К счастью, образ города не исчез, Петербург стал более живым, он перестал восприниматься как музей. Сохранив уникальность, он стал современным.

Юлия КАНТОР,
Санкт-Петербург